

Нативизация христианской культуры в сакральных комплексах галгай-че в XIII-XIV вв.

В.В. Пищулина¹, А.А. Новичихина²

¹Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ЦНИИП «Минстроя России», г. Москва

^{1,2}Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

Аннотация: Проведенный в статье анализ показал, что сакральное зодчество Ингушетии представлено не отдельными объектами, а сакральными комплексами, всегда включающими три объекта поклонения, соответствующие триединному божеству, предстающему в трех лицах: главное мужское божество, второстепенное мужское божество и женское божество. Второй вывод, имеющий отношение к первому: все сакральные комплексы Ингушетии возможно отнести к христианской архитектуре. Выявлены четыре группы сакральных комплексов: храма Тхаба-Ерды, общепатронимического значения, патронимического значения, родовые комплексы. Подробно рассмотрены две последние группы. Выявлено, что сакральные комплексы отражают процессы нативизации христианства, как во взаимодействии христианской и языческой мифологии, так и в обожествлении природы конкретного места. Архитектура каждого объекта в отдельности может показаться примитивной, но архитектура всего комплекса в целом, включающая путь от объекта к объекту, виды на окружающее пространство гор и ущелий, систему священных деревьев и камней на этом пути, движение солнца представляет собой уникальное явление.

Ключевые слова: средневековое зодчество Ингушетии, сакральные комплексы, традионная культур, нативизация христианской культуры.

Целью статьи является выявление особенностей архитектуры сакральных комплексов галгай-че XIII-XIV вв. на территории Ингушетии.

Задачи: классификация сакральных комплексов, выявление влияния традиционной культуры и церемониальной обрядности на архитектуру сакральных объектов, композиционный анализ.

Конфессиональная принадлежность сакральных сооружений Ингушетии (народа Галгай-че) [1] была предметом споров более 100 лет. Большинство исследователей, в первую очередь исходя из размеров храмов, разделили сакральные сооружения Ингушетии на 4 группы [2-4]. Они выделили первую группу - христианские храмы - и включили в нее три храма с алтарными апсидами: храм Тхаба-Эрды, Алби-Эрды и Таргим. Вторую группу храмов называют «Большими святилищами» [3] или "Большими

храмами" [6] – храмами без алтарной апсиды, но обладающие рядом других признаков принадлежности к христианству. Многие исследователи на основании этих признаков подчеркивали их христианское происхождение, некоторые опровергали эти признаки, связывая их с языческой верой: ориентация, наличие престола, деление на части, наличие изображений крестов и Голгофы. К третьей группе были отнесены «Маленькие святилища», то есть "Маленькие храмы" с очень небольшим внутренним пространством. К четвертой группе были отнесены столпообразные святилища-монументы. Ключевым моментом этих классификаций является отражение тезиса о деградации архитектурных форм христианских храмов в сакральных зданиях Ингушетии – от апсидных церквей до небольших храмов [7] или ухудшении формы языческих храмов (если христианская их принадлежность отвергается) [8].

Анализ градостроительной ситуации и пространственная организация этих сооружений в соответствии с изложенной здесь церемонией позволил автору данного исследования предложить другую классификацию.

Во-первых, проведенный анализ показал, что сакральная архитектура Ингушетии представлена не отдельными объектами, а сакральными комплексами, всегда содержащими три объекта поклонения, соответствующие трем богам: главному мужскому богу, второстепенному мужскому богу и женскому богу. Во-вторых, все сакральные комплексы Ингушетии можно отнести к христианской архитектуре. Об этом свидетельствуют следующие архитектурные особенности:

- ориентация главного сакрального помещения с нишами или апсидой на восток (есть и ориентация на запад, но есть и некоторые раннехристианские храмы Армении и Византии, Западной Европы также имеющие ориентацию апсиды на запад).;

- наличие каменных престолов;

- использование такого сакрального элемента как ниши;

- все храмы с внутренним пространством имеют стрельчатый свод (ложносводчатой конструкции, но здесь важно символическое значение данного элемента – символа неба в раннехристианской мифологии). Конструктивная особенность свидетельствует как раз о важности символического значения формы, достигаемой доступными строителю способами. В столпообразных монументах обязательным является наличие ниши стрельчатой формы;

- во всех храмах своды оформлены полуциркульными завершениями, выполненными в виде цельно-вытесанных перемычек, но в некоторых объектах выложен клинчатый свод;

- в алтарной части храмов по оси в большинстве случаев устроено узкое окно;

- на фасадах и на внутренних элементах храмов часто встречаются изображения крестов и голгофы;

- в тайничках храмов обнаружено большое количество предметов церковного обихода (канделябры, кадила, кресты), а также Евангелие на грузинском и греческом языках.

Особенности церемоний подробно описаны В.Ф.Миллером [9] и Б.Далгатом [10] в XIXв. и Б.А.Алборовым в 1920-е годы [11]. Несмотря на поздний характер записи, очевидно, что церемонии сохранили в себе черты христианской обрядности:

- процессия шествует от одного объекта к другому, совершая у каждого моление (сходство с литургией VII в., описанной Германом [12]);
- участники церемонии приносят в храм до совершения моления треугольные лепешки (хлеб) и вино (араку, пиво), которые помещают в нишу алтарной части или кладут на престол. После молитвы священнослужитель делит их и раздает всем присутствующим;
- при молении стоят с зажженными свечами, свечи зажигает священнослужитель;

- содержание молитвы имеет фрагменты христианской литургии, молитва сопровождается возгласом «оччи!» вслед за священнослужителем. По словам самих же местных жителей, описывающих обряд, это означает «Аминь».
- в некоторых церемониях священнослужитель выносит из алтаря крестообразный шест с кусочком материи и колокольчиками (напоминает хоругвь) и обносит его вокруг храма (крестный ход);
- женщины не могут входить в храм;
- некоторые дни празднований совпадают с христианскими праздниками (Троица, Красная горка и др.)
- в ингушской лексике зафиксировано много элементов грузинского языка, связанных с христианством (свеча, крест, часовня, воскресенье) [13];
- совпадение смысловых значений ингушских богов с христианскими : Тушоли – богиня с ребенком – Богоматерь; Ерда- гл Бог, Селиа – Илия – бог грома и молнии, и т.д.;
- триединство ингушского божества – поклонение всегда производится триединому божеству, иногда невозможно разделить смысловые значения мужского и женского божества, например Мятцели, Тушоли.

Важным моментом является и то, что церемония всегда одна и та же (литургия), и всегда связана с триединым божеством.

Разумеется, очень много в ингушских храмах и происходящих в них церемониях явлений, связанных с дохристианской мифологией. Это прежде всего, наличие в храме, рядом с ним или в составе комплекса столпообразного монумента – иногда принимающего фаллические формы, (комплекс в с. Кок). Интересной деталью является ниша как сакральный элемент. В христианском храме они бывают только в алтарной части (одна или две). А в ингушских храмах ниши устраивались по числу поколений ингушского народа (14) или по числу патронимий, принимающих участие в

церемонии. При этом ниши могут быть не только в восточной, но и в западной и южной стенах. Членение пространства арками в христианском храме имеет значение для разделения на алтарь, храм и притвор. А в ингушских храмах остается только значение алтаря, остальные отсеки служат для дифференциации пришедших по патронимиям. Языческим элементом церемонии является принесение кровавой жертвы в виде бычка или барана после завершения молитвы, а также ритуальные танцы у храма. Вызывает двоякую трактовку наличие ограды с западной, восточной или южной стороны (в зависимости от того, где находится вход) каждого храма, посвященного главному триединому божеству. С одной стороны, дворик перед храмом имел место в раннехристианской архитектуре – он соответствовал определенному моменту литургии и служил местом остановки верующих перед тем, как войти в храм [12]. Б. А. Алборов и В.Ф.Миллер отмечают, что в большинстве случаев в ингушский храм мог войти только священнослужитель, участники церемонии оставались перед входом и стояли лицом на восток в пределах ограды [11,14]. Здесь также можно усмотреть отголосок раннехристианского обычая не принимать крещения и не входить в храм до преклонных лет, так как христианская вера не допускает совершения смертного греха - убийства, а мужчина до преклонных лет оставался воином [15]. Обычай существовал до IV в. даже в Константинополе. С другой стороны, это может быть связано и с дохристианскими представлениями ингушей и других горских народов, предполагающими наличия внутреннего пространства в сакральном объекте. До XIX в. сохранялись обычаи поклонения некому священному сооружению – камню, столбу, дереву. Описанное сочетание христианской и языческой символизации в архитектуре сакральных сооружений Ингушетии является отражением религиозного синкретизма в мировоззрении народа.

Авторская классификация:

Анализ показал, что храм Тхаба-Ерды – главный храм галгай-че – имеющий наиболее раннюю датировку (XIV.), является своеобразным сакральным эталоном для всех остальных сакральных объектов. Все храмы «мерили» Тхаба-Ерды – в основе их построения, разбивки на местности лежит сакральный модуль, равный 3м, т.е. глубине алтарной апсиды этого храма. Кроме того, анализ этимологии слова Тхаба-Ерды, а также происходящей в нем церемонии [16] в сопоставлении с археологическими данными дает основание полагать, что Тхаба-Ерды – действительно первый, самый ранний храм на территории Ингушетии. По мнению автора статьи, его нельзя включать в какую-либо группу классификации.

Вторая (по отношению к Тхаба-Ерды) группа сакральных сооружений представляет собой комплексы обще-патронимического значения, которые можно разделить на две подгруппы. Храмы одной из них имеют апсиду, другой – нет. Главным центральным храмом в комплексах этой группы являлся храм, имеющий в своем названии слово «Ерды». Названия он получал разные – Галь-Ерды, Маги-Ерды и т.д. Второй по значению храм комплекса был меньших размеров, но также имел внутреннее пространство и был посвящен Богу грома и молнии Сели (Морч-Сели, Ауша-Сел и т.д.). Третий объект мог быть столпообразным или иметь небольшое внутреннее пространство, недоступное для посещения. Он был посвящен Тушоли. Комплексы этой группы предназначались для всего народа «нахче», всех патронимий.

К третьей группе могут быть отнесены комплексы патронимического значения, также состоящие из трех объектов и посвященные триединому божеству, сочетающему в себе женское и мужское начала. Главные храмы этой группы имели в своем названии слово «Дела» и должны были находиться в очень труднодоступном месте. К комплексу приходили на церемонию жители близрасположенных селений одного патронимического общества (например, Мецхальского).

К четвертой группе относятся родовые комплексы, также предназначенные для церемонии, посвященной триединому божеству, однако данное триединство как бы сливалось в одном образе и одном архитектурном объекте. Столпообразный монумент, даже и не один, мог находиться внутри храма, в алтарной части, но мог быть построен и рядом с храмом. В храм приходили жители близлежащего селения, название которого находило отражение в имени храма (Эрдзи- Эрдзели, Мецхал – Мецхали).

Все комплексы и входящие в них объекты (кроме Тхаба-Ерды), судя по их декоративно-тектоническим особенностям, способу кладки, наличию штукатурки, желтой снаружи и белой внутри, археологическим данным, анализу раствора, наличию общего сакрального модуля были построены в одно время (XII-XIII в.в.).

Таким образом, храмовые комплексы Ингушетии являлись отражением своеобразного варианта христианства, сформировавшегося в удалении от основных центров его распространения. Христианское богослужение в этом регионе постепенно дополнялось языческими обрядами, что не могло не иметь выражения в архитектуре храмов. Тем не менее, храмовые комплексы являются объектами христианской культуры, так как именно с христианством на эту территорию пришло новое понимание сакрального объекта, имеющего внутреннее пространство и соответствующее богослужению. Самые ранние храмы на территории Ингушетии, Тхаба-Ерды и храмы первой группы, в которых, несомненно, служили литургию, имели пространственную организацию, соответствующую образцам тех территорий, откуда пришло христианство. Однако впоследствии богослужение все более осложнялось языческими ритуалами вследствие отсутствия постоянного контакта с крупными христианскими центрами. Это, в свою очередь, приводило к изменениям в архитектурных формах и пространственной организации храмов. Веским доводом в пользу отнесения этих объектов к христианскому зодчеству является также то, что население, строившее эти храмы, считало

себя христианами, о чем свидетельствуют хранящиеся в храмах Евангелие и большое количество крестиков-тельников и обряд погребения, выявленных археологами при раскопках средневековых поселений Ингушетии.

Наиболее интересными, по степени влияния традиционной культуры являются комплексы первой группы храмов - патронимического значения (Сели – Дэла – Тушоли). Комплексы этой группы храмов предполагают поклонение триединому божеству, соединяющему в себе главного в данном случае Бога грома и молнии (Сели), подчиненного (Дэла) и женского (Тушоли). Церемония предполагала посещение всех трех объектов, находящихся на значительных расстояниях друг от друга. Три раза возвращались к главному храму, Сели. При этом храмы Сели и Дэла находились на большой высоте и были труднодоступны. Отличительной особенностью комплексов этой группы было то, что их могли посещать женщины и дети. К последнему храму, посвященному Тушоли, шли только они. Удаленность объектов и трудности пути к ним способствовали возникновению дополнительных эмоциональных ощущений, связанных с постижением могущества сопровождающей путь к храму природы. В названии храма обычно было две части и первая часть отражала название местности или патронимии, вторая часть означала – Бог (Сели). В каждой местности были свои три храма для проведения данного праздника. Все празднество называлось Мят-Сели и посвящалось женщине. И проводилось в особый воскресный день месяца - Мятсели-бут, во второй половине июня, приблизительно на Троицу.

Один из таких комплексов, **Мятер-Дэла** расположен на вершине Столовой горы, на северо-восток от Мятцила, и является вторым объектом посещения при проведении сакральной церемонии. Ограды нет. Наружный обмер: 2,75 x 3,83 м. Стены сложены из крупных каменных блоков на известковом растворе, были оштукатурены желтоватым раствором. Вход в храм – с востока, проем выложен в виде стрельчатого ложного свода. Над

дверью остатки вделанных в стену оленьих рогов. Внутри арки нет. Ложный стрельчатый свод идет от пола. В стенах - две ниши. Стены покрыты штукатуркой белого цвета. На западной стене в штукатурке вдавленное изображение прямого креста. В своде сохранились отверстия для поперечной деревянной балки.

Храм Мят-Сели, того же комплекса, расположен на верхней площадке Столовой горы, у самого края южного обрыва, на высоте около 3.000 м. От храма открывается панорамный вид на ущелье реки Армхи, с противоположной стороны замкнутого склонами, покрытыми густым лесом, а вдали виден заснеженным Кавказский хребет и Казбек. Ограды около храма нет. По наружному обмеру: 3,59х6,98м, высота - 4,92 м. В храм устроено два входа с запада и с востока, дверные проемы - со стрельчатыми завершениями. Двери запирались на засов, видны запорные борозды и отверстия. Над каждой дверью - узкое окно. Стены сложены из тесаного песчаника на известковом растворе, оштукатурены, окрашены в темно-охристый цвет. Продольные стены имеют легкий наклон внутрь. Продольные стены до высоты 1,80 м идут вертикально, затем переходят в сложноочерченный ложный свод с плоским окончанием. Крыша имеет два ската, ступенчато-пирамидальная, из двенадцати ступеней. Внутренний обмер: 5,82 х 2,48 м, арка стрельчатой формы делит храм на две части: западную - 2,60 м и восточную - 2,68 м, начинается от земли, высота её - 2,98 м. Над первой аркой устроена небольшая вторая арка с плоским верхом. В северной стене, со смещением к западу, устроены две ниши. Одна из них закрыта наполовину плоским камнем. Стены, арка и свод покрыты штукатуркой белого цвета.

Интересными являются храмы Тушоли, которая изображалась в виде женщины с ребенком на руках и голубем. Храм Тушоли посещался как в рамках церемониального посещения трех храмов, описанной выше, так и отдельно. Праздник Тушоли проходил в последнее воскресенье месяца

Тушоли. К празднику в честь Тушоли каждое семейство готовило особые хлебы и особую свечу, а также жертвенного барашка, носящего название «барашек сына». К храму шли только женщины и дети. Храм Тушоли на Столовой горе не сохранился. Рассмотрим два храма Тушоли в качестве примера.

Храм Тушоли в селении Кок расположен на вершине остроконечной высокой горы и является не единственным сооружением на ней. Ориентация храма - с севера на юг. Вход сделан в восточной стене и смещен к югу. Вся вершина занята постройками сакрального назначения и заброшенными жилыми башнями. Наружный обмер храма - 4,09 x 3,40 м. Стены сложены из тесаного дикого камня и покрыты штукатуркой желтовато-охристого цвета. Проем очень низкий, напоминает по величине скорее лаз в склеп. Над дверью, под плитками первого уступа крыши имеется прямоугольная ниша. В южной стене устроено два окна: одно из них, в центре, более старое, заделано каменной плиткой и заштукатурено, второе окно на высоте 1,66 м, видимо, позднее. Северная стена примыкает к скале. Внутри храм поделен стеной позднего происхождения на две части, при этом стена идет не поперек, а вдоль, соединяя северную и южную стены. В стене имеется стрельчатая арка. Эта стена закрыла центральное окно, тогда и устроили новое окно, дающее свет в восточную половину помещения. Подобное устройство стены с аркой выделяет это святилище из ряда всех других сакральных построек подобного типа. Внутри храма в стенах на разной высоте устроено много ниш, ниши устроены и в поперечной стене. В этом храме была найдена бронзовая маска богини Тушоли и большое количество рогов. Храм перекрыт стрельчатым ложным сводом, высота внутри - 2,48 м. Штукатурка внутри наложена очень небрежно. На расстоянии 0,63 м от восточной стены против двери имеются три ниши из плоских камней, две обращены на восток, а третья на юг. Перед южной и восточной стенами выровнена площадка, обнесенная каменной оградой, во многих местах

ограда разрушена. В восточной стороне ограды устроены три ниши. Неподалеку находится еще одно святилище, а также оригинальный столпообразный памятник - каменное изображение фалла. Памятник представляет изображение фалла (рис.3.13,а). Высота его - 1,65 м, высота верхней части – 0,40м; основание плоское и имеет углубление, которым держится на каменном столбе в сечении 0,12 x 0,1 м., высота столба 1,25 м. Столб поставлен на большом камне и украшен мелкими камнями, набросанными в беспорядке [89]. Столб и в настоящее время привлекает массу богомолков, особенно бесплодных женщин. Они собирают кусочки камня вокруг столба, зашивают в ладанку и носят на шее. Оригинально и то в этом культе, что фаллос не только виновник чадородия, но и виновник засухи и дождя. Во время засухи жители снимали шапку со столба, опрокидывали ее и не надевали до тех пор, пока не шел дождь.

Храм Тушоли близ селения Лежг находится на правом берегу р. Армхи, на запад от аула Лежг. Ограды вокруг храма нет. Стены храма сложены из крупных тесаных камней песчаника на известковом растворе. Наружный обмер: 3,24 x 4,09 м. Храм имеет два противоположных входа – с востока и с запада. Проемы имеют полуциркульное завершение. Внутри храм делится аркой на две части. В восточной части в северной стене находится глубокая ниша, ее глубина 1,10 м при отверстии 0,70 x 0,40м. Ниша находится на уровне пола помещения, выступающую часть ее образована толстыми каменными плитами. Угол ниши, примыкающий к арке, делает закругление. В западной части святилища устроены две традиционные ниши: одна в северной стене рядом с аркой, другая в северо-западном углу. На внутренних стенах сохранилась штукатурка белого цвета.

Комплексы третьей группы.

Храм Морч-Сели находится в ущелье р. Армхи, на склонах Скалистого хребта, поблизости от аула Морч. Внутренний обмер: 1,25 x 2,65 м. От храма открывается панорамный вид на ущелье. Наружный обмер: 2,50

х 3,70 м; высота - 3,59 м, высота продольных стен до первых плиток - 1,59 м. Крыша двускатная, ступенчато-пирамидальная, из девяти уступов. Стены сложены из больших длинных пиленых камней песчаника темных тонов на известковом растворе, имеют легкий наклон внутрь и следы штукатурки охристого цвета. Вход в храм с юго-востока, в поперечной стене, имеет полукруглое завершение в виде цельной каменной перемычки. Над входом в стену вставлена тонкая каменная плита, служащая навесом. Над навесом в стене - узкое окно, выше окна, друг над другом, - две квадратные ниши по сторонам. Все это вместе с окном формирует очертания прямого креста. В боковых нишах видны остатки закрепленных в стене рогов. Стрельчатая арка делит помещение на две равные части. В пролете арки протянута деревянная балка. Арка начинается от пола, её высота - 2,10 м. В стрельчатом своде также гнезда для балок.

В западной части, вплотную к северной стене прислонен столп, с фасадной стороны постепенно сужающийся кверху и приобретающий стрельчатую форму. Боковая поверхность его везде одинаковой ширины. Размеры основания столпа - 0,51 х 0,28 м, высота - 1,76 м. В лицевой стороне столпа, обращенной и двери, сделаны два отверстия. Нижнее, 0,51 м высоты проходит насквозь на южную стену. Над ним устроена ниша треугольной формы. Столп сложен из хорошо подогнанных камней, так же как и стены, покрыт ровным слоем штукатурки белого цвета и одновременно храму. Ограды вокруг храма нет.

Храм **Бейни-Сели** находится в ущелье р. Армхи на высоком правом берегу и расположен недалеко от селения Бейни, на южном склоне Столовой горы. Крыша традиционная, ступенчато-пирамидальная, имеет 7 уступов. Стены сложены из отесанных каменных блоков средней величины правильными рядами, на них сохранилась штукатурка желто-охристого оттенка. Ограды вокруг храма нет. Наружный обмер: 2,58 х 3,61 м, высота - 3,60 м, высота - 2 м. Внутренний обмер: 2,50 х 1,66 х 1,56, высота - 2,66 м.

Вход в храм – с востока, проем завершен полуциркульным клинчатым сводом с замковым камнем, имеющим форму треугольной призмы. Над входом - узкое окно, выше которого идет поперечная, узкая щель, а над ней - небольшая ниша. В общей композиции эти три элемента дают изображение креста. В западной стене также имеется узкое окно. Внутри арок нет. Стены образуют стрельчатый ложный свод и покрыты штукатуркой белого цвета. В своде сохранились отверстия для одной поперечной балки.

Храм **Дик-Сели** расположен над аулом Фуртоуг, на высоком и трудно доступном отроге Столовой горы. Кровля двускатная ступенчатая, из плоских каменных плит. У внутренней восточной стены продольные стены закруглены. Поперек святилища протянуты две деревянные балки. Стены сложены из крупных блоков тесаного местного камня, некоторые из них достигают одного метра в длину. Наружный обмер: 1,40 x 2,31 м, высота 1,92 м. Сохранились следы штукатурки желтоватого цвета. В восточной стене на высоте 1,20 м устроена ниша. Внутреннее помещение - 0,3 x 1,9 м. Вход – запада, шириной 0,3 м и высотой 1,1 м..

Храм **Мецхали** находится в двух километрах от аула Мецхал, на северо-востоке. Наружный обмер: 4,35x4,50x2,75x2,95 м. Вход в храм – с юга, ближе к западной стене. Храм делится аркой на две части: западную - 1,59 м и восточную - 1,36 м. В восточной стене на высоте 0,84 м от пола устроена ниша, горизонтально поделенная полочкой на две части. Внутри храм покрыт белой штукатуркой, снаружи - желтой. Перед южной стеной храма - остатки ограды полуовальной формы, сложенной более небрежно, чем храм.

Храм **Эрдзели** расположен небольшом холмике, на окраине аула Эрзи. Ориентация храма – с юго-запада на северо-восток. Наружный обмер: 2,42 x 4,12 м; высота до гребня - 3,30 м, до первых плиток крыши 2,34 м. Кровля традиционно двускатная. Стены сложены из аккуратно подтесанных камней и снаружи покрыты толстым слоем штукатурки красивого охристого тона.

Окон в храме нет. Вход с полуциркульным завершением и двустворчатой деревянной дверью расположен в центре юго-западной стены. Слева от двери снаружи сделана прямая ниша. Выше двери и чуть ниже последней плитки крыши в штукатурку вделано чашеобразное углубление, посреди которого выпуклое полушарие. Такое же украшение расположено между 2 и 3 плитками крыши. Внутри храма стены переходят в стрельчатый ложный свод. Арок нет. Поперек здания в своде укреплены четыре балки - три балки на высоте 1,90 м, а четвертая - почти под самым сводом. В северо-восточной стене И.П.Щеблыкиным в 1929 г. обнаружена ниша с тайничком в 0,50 м. В ней обнаружены 3 железных креста и 6 бронзовых блях, покрытых рисунком. В северо-западной стене также имеется прямоугольная ниша. Стены покрыты штукатуркой белого цвета. Внутренний обмер храма: 3,10 x 1,50 м. Ограды вокруг храма нет.

В родовых комплексах, таким образом, происходила церемония с участием только жителей близлежащего селения. В церемонии, судя по описаниям, также имело место единому божеству в трех лицах – двух мужских и одном женском. В некоторых родовых храмах атрибут женского божества – столпообразный монумент, находился непосредственно в храме (с. Бархин), однако в большинстве случаев он ставился неподалеку или рядом со зданием храма. В большинстве родовых храмов имеются престол у восточной стены, одна стрельчатая арка, вход с полуциркульным завершением и тайнички с церковной утварью – крестами, подсвечниками, канделябрами, церковными книгами, что свидетельствует о влиянии христианства.

Заключение

Каждый объект, каждый сакральный комплекс галгай-че был индивидуален. Он отражал как взаимодействие христианской и языческой мифологии, так и обожествление природы конкретного места, служил

зеркалом постепенного процесса нативизации сакральной архитектуры. Архитектура каждого объекта в отдельности может показаться примитивной, но архитектура всего комплекса в целом, включающая путь от объекта к объекту, виды на окружающее пространство гор и ущелий, систему священных деревьев и камней на этом пути, движение солнца представляет собой уникальное явление. Индивидуальные в каждом случае, сакральные комплексы в то же время позволяют сделать обобщающие выводы о своеобразии сакральной архитектуры Ингушетии (галгай –че).

*Исследование поддержано ФНИ Минстроя РФ и РААСН, № темы
ЕГИСУ НИОКТР 121111800203-0*

Литература

1. СМОМПК, 1897, Вып.22, Тифлис. 1897, С.44.
2. Марковин В.И. В стране вайнахов. М.: Искусство,1969. -130с.
3. Мужухоев М.Б. Материальная культура горной Ингушетии XIII-XVII вв. Грозный: Чечено-ингушское кн.изд, 1977. -179с.
4. Щерблыкин И.П. Архитектура древних ингушских святилищ // Известия ингушского НИИ краеведения, Вып.3, Владикавказ, 1930, - С.430-494.
5. Мужухоев М.Б. Средневековые святилища Центрального Кавказа // СА, №3, 1985. -М.,1985. - С.81-9.
6. Щерблыкин И.П. Архитектура древних ингушских святилищ // Известия ингушского НИИ краеведения. Вып.3, Владикавказ, 1930, - С.430-49
7. Щерблыкин И.П. Архитектура древних ингушских святилищ // Известия ингушского НИИ краеведения. Вып.3, Владикавказ, 1930, - С.412.
8. Мужухоев М.Б. Материальная культура горной Ингушетии XIII-XVII вв. Грозный: Чечено-ингушское кн. изд, 1977.С.140.
9. Миллер А.А. Археологические наблюдения в области Чеченцев // Материалы по археологии Кавказа. Вып. I. М.,1888. С.1-84.

10. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник, Вып.2, Кн.2, Владикавказ, 1893, С.51.
11. Алборов Б.А. Ингушское «гальерды» и осетинское «аларды» // ИИНИИК. Вып.1. Владикавказ, 1928, С.348-429.
12. Константинопольский Герман. Сказание о церкви и рассмотрение таинств. М.,1995. 90с.
13. Генко А.П. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов. Л.,1930, Т.5. С.737-741.
14. Миллер А.А. Археологические наблюдения в области Чеченцев // Материалы по археологии Кавказа. Вып. I. М.,1888. С.1-84.
15. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. С.46.
16. Алборов Б.А. Ингушское «гальерды» и осетинское «аларды» // ИИНИИК. Вып.1. Владикавказ, 1928, С.376-378.

Referenses

1. СМОМПК. 1897. Вып.22. Tiflis 1897. 44 p.
2. Markovin V.I. V strane vaynakhov. M.: Iskusstvo.1969. 130 p.
3. Muzhukhoyev M.B. Materialnaya kultura gornoy Ingushetii XIII-XVII vv. Groznyj: Checheno-ingushskoye kn.izd. 1977. 179 p.
4. Shcheblykin I.P. Izvestiya ingushskogo NII krayevedeniya. Вып.3. Vladikavkaz. 1930. Pp.430-494
5. Muzhukhoyev M.B. SA. №3. 1985. М.1985. Pp.81-92.
6. Shcheblykin I.P. Izvestiya ingushskogo NII krayevedeniya. Вып.3. Vladikavkaz. 1930. Pp. 430-494
7. Shcheblykin I.P. Izvestiya ingushskogo NII krayevedeniya. Вып.3. Vladikavkaz. 1930. 412 p.
8. Muzhukhoyev M.B. Materialnaya kultura gornoy Ingushetii XIII-XVII vv. Groznyj: Checheno-ingushskoye kn.izd. 1977. Pp.140

9. Miller A.A. Materialy po arkheologii Kavkaza. Vyp. I. M.1888. Pp.1-84.
10. Dalgat B.K. Terskiy sbornik. Vyp.2. Kn.2. Vladikavkaz. 1893. 51 p.
11. Alborov B.A. IINIИK. Vyp.1. Vladikavkaz. 1928. Pp.348-429.
12. Konstantinopol'skiy German. Skazaniye o tserkvi rassmotrennoye tainstvo. M.1995. 90 p.
13. Genko A.P. Zapiski kollegii vostokovedov. L.1930. T.5. Pp.737-741
14. Miller A.A. Arkheologicheskiye nablyudeniya v oblasti Chechentsev // Materialy po arkheologii Kavkaza. Vyp. I. M..1888. Pp.1-84.
15. Adygi. balkartsy i karachayevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIXv.v. Pp.46
16. Alborov B.A. Ingushskoye «galyerdy» i osetinskoye «alardy» // IINIИK. Vyp.1. Vladikavkaz. 1928. Pp.376-378.